

18. 337. 2. 173

Не забывай о смерти.

Размыслимъ, братіе, о своей кончинѣ. Для сихъ размысленій всегда должно быть время, ибо отъ того чище и выше бываетъ жизнь христіанская. „Поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣши“. Если бы дѣйствительно предъ нашими глазами всегда ярко и живо была какъ бы написана картина смерти нашей, посмертныхъ страданій, вѣчныхъ адскихъ мученій, то какъ бы сталъ человѣкъ грѣшить, когда этимъ, грѣхами своими, онъ самъ ввергаетъ себя въ вѣчныя муки. Неужели же кто самъ отдалъ бы себя на растерзаніе звѣрямъ, или на медленное сожженіе огнемъ? А, вѣдь, это во сто разъ хуже...

Подумай-же. Никто не уйдетъ отъ смерти. Не успокаивай себя тѣмъ, что ты еще молодъ: смерть далеко. Это неразумный и жестокий самообманъ. Смерть всѣмъ близка, почти всегда неожиданна. Десяткомъ лѣтъ раньше, десяткомъ позже, но предъ тобою неминуемо раскроется таинственная и ужасная область вѣчности и поглотитъ тебя.

Съ чѣмъ ты пойдешь туда?

Вотъ человѣкъ живетъ тѣлесною жизнію, въ сытости, въ сладости, въ плотскихъ наслажденіяхъ... Да, все это бываетъ неотразимо обольстительно, хотя въ то же время и обманчиво. Такая жизнь чаще манитъ радостями, а даетъ больше горечи и страданія; это сладкій ядъ, отравляющій человѣка. Пусть человѣкъ сумѣетъ при этомъ уберечь отъ страданія свое тѣло, по

никакъ не спасеть своей души. Вспомнимъ евангельскаго богача: онъ ѣлъ, пилъ, веселился въ пышныхъ одеждахъ, въ богатыхъ чертогахъ... и что же? Умеръ, и тотчасъ страждетъ въ адскомъ пламени. Почему?—Да потому что жилъ только тѣлесною жизнью, въ немъ нѣтъ ни искры жизни духовной. Тѣлесная жизнь подавила духовную. Тамъ, въ томъ мѣрѣ, любовь, правда, миръ, радость.—Что для него все это?—То совсѣмъ другая, чуждая ему, какъ рыбѣ воздухъ, стихія, она ему въ тягость, въ мученье, онъ мертвъ для жизни Божественной, блаженной; онъ развилъ въ себѣ, воспиталъ другую жизнь, и иною жить уже не можетъ, ему остается лишь пожинаать то, что посеялъ; душа его, совершенно чуждая Божественной жизни, стремительно несетя, какъ рѣка въ море, въ свою стихію, а сія стихія есть царство тьмы, злобы, царство сатаны, адъ съ его вѣчными мученіями.

Вотъ, братіе, ужасный конецъ тѣлесной жизни...

Отпадетъ и наша тѣлесная оболочка, какъ ветхая одежда, какъ скорлупа яйца, изъ котораго вышелъ птенецъ. И что, если надъ этою оболочкою не созрѣло благодатно зарожденное въ насъ сѣмя духовной жизни, что если не окажется плода?.. Что если мы питали лишь сію оболочку, а жизнь истинную, Божественную убили въ себѣ?..

Безумные, мы хранили не Божественный посѣвъ, а питали червя, который пожираетъ сей посѣвъ... И что жъ теперь ждетъ насъ? Намъ нѣтъ участія въ жизни Божественной, блаженной, намъ остается только адъ...

Вотъ человѣкъ привязанъ къ богатству... Имъ только и для него живетъ. Тутъ все его помыслы, все надежды, все радости. Душа его какъ бы приросла къ земному, и не надо ей не-

беснаго. Ахъ, если бы такой человѣкъ могъ уйти отъ вѣчной жизни, отъ воздаянія; насладился бы, какъ на пышномъ пиру, и конецъ... Но отъ того никогда не уйти. Неумолимая смерть не дремлетъ, Судія ждетъ... Съ чѣмъ предстанетъ человѣкъ, ослѣпленный богатствомъ? Что скажетъ? „Какая польза человеку, если онъ приобрететъ весь міръ, а душу своей повредитъ“. (Мѡ. 16, 26). Гдѣ теперь все его сокровища, гдѣ дома и палаты? Онъ строилъ, какъ бы изо льда. Взошло солнце,—все растаяло, наступила вѣчность—ничего нѣтъ, все рухнуло, все земля, все прахъ... И если бы только все погибло...душа отравлена, душа погублена... „Какой выкупъ дастъ человекъ за душу свою?“—Нѣтъ, ничто не избавитъ тогда отъ вѣчныхъ мученій...

Помни же, человѣкъ, конецъ твой, дѣлай, собирай скорѣй богатство вѣчное, пока еще не закатился день жизни твоей.

Вотъ человѣкъ одержимъ страстію честолюбія, властолюбія... Онъ всегда стремится быть выше другихъ, превосходить другихъ честью, отличіями. Онъ готовъ поступиться правдою, покривить совѣстью, унижить человѣка, лишь бы властвовать.... Безъ этого онъ страдаетъ. Въ самообольщеніи, окруженный безмолвною покорностью, низкопоклонствомъ, лестію, ослѣпленный, гордынею, онъ безмѣрно высится надъ своими собратьями, онъ готовъ считать себя существомъ какъ бы другой природы. О, если бы такой человѣкъ чаще вспоминалъ о смерти, о вѣчности... Какимъ бы ничтожнымъ, какимъ жалкимъ показалось ему бы все это и тщеславіе, и чувствительное самолюбіе, и гордыня..

Не забывай же, властный человѣкъ, если не хочешь ослѣпленія, не хочешь гибели, не забывай о смерти!

Всего ищетъ въ мірѣ человѣкъ, всего, лишь одного не ищетъ, и того самаго, что истинно, что непреложно, что вѣчно, что Божественно, что блаженно. Какое ужасное, какое пагубное ослѣпленіе! Какъ будто бы чье то злое внушеніе покорило, сковываетъ человѣка... и онъ не хочетъ отогнать и разсѣять этотъ туманъ, это явное навожденіе отца тьмы, отца всякой лжи. Смертоносное человѣкъ принимаетъ за живительное, прахъ и землю за сокровища, ничтожное за великое...

О, если бы мы чаще и глубже размышляли бы о своей смерти, только тогда могъ бы разсѣяться этотъ окружающій насъ мракъ обманчивыхъ очарованій...

Господи! Дай намъ память смертную, дай намъ должнымъ образомъ приготовиться къ кончинѣ нашей, чтобы была она для насъ дверью не къ страданью, а къ вѣчному блаженству... Даруй намъ, подобно св. Апостолу, съ нимъ вмѣстѣ дерзновенно сказать при кончинѣ: *„подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ. А теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который даетъ мнѣ Господь, Праведный Судья, въ день оный: и не только мнѣ, но и всемъ, возлюбившимъ явленія Его“* (2 Тимое. 7—8).

Протоіерей *Евгеній Кондратьевъ.*

